

Bildtgård T., Öberg P. New intimate relationships in later life: consequences for the social and filial network? // *J. of family issues*. – 2017. – Vol. 38, N 3. – P. 381–405.

Intimate relationships / Brehm Sh.S., Miller R.S., Perlman D., Campbell S.M. – N.Y.: McGraw-Hill, 2002. – 554 p.

Layder D. Intimacy and power: the dynamics of personal relationships in modern society. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009. – 190 p.

McAdams D.P. Human motives and personal relationships // *Communication, intimacy and close relationships / ed. by V.J. Derlega*. – Orlando (FL): Academic press, 1984. – P. 41–70.

2020.04.005. ФОРСТИ К. НОВЫЕ РАМКИ ДЛЯ СТАРОЙ СОЦИОЛОГИИ ИНТИМНОСТИ.

FORSTIE C. A new framing for an old sociology of intimacy // *Sociology compass*. – 2017. – Vol. 11, N 4. – P. 1–14.

Ключевые слова: интимность; эмоции; четыре измерения интимности; аффект; знание; совместная деятельность; нормы; социальные группы.

Понятие «интимность» давно используется в теориях социальной жизни, однако его применение в социологии породило скорее концептуальную путаницу, потому что единого подхода к определению интимности до сих пор не было выработано. Данное понятие, безусловно, изучается как связанное с эмоциональной сферой человека, но может в то же время использоваться для описания современной общественной жизни. Автор статьи Клэр Форсти (Северо-Западный университет, г. Эванстон, США; Висконсинский университет в Платтвилле, США), рассматривает возможные подходы к определению интимности (прежде всего, социологический и психологический) и выделяет четыре измерения интимности: аффект, знание, совместная деятельность (*mutual action*) и нормы. В зависимости от их сочетания в каждом конкретном случае автор статьи предлагает различать разные степени проявления интимности: ее высокую степень К. Форсти называет «сильной», малую – «слабой» (с. 1).

Психологи описывают интимность отношений как сложный и контекстуально зависимый феномен. Сегодня известны несколько шкал и рамок для оценки интимности, например шкала социальной дистанции (Э.С. Богардус, 1927) или пятимерная шкала близости отношений (М.Т. Шефер, Д.Х. Олсон, 1981). Так, шкала

социальной дистанции Богардуса измеряет степень, в которой люди принимают членов группы как близких людей, и показывает, как близость может изменяться со временем. Теория пяти измерений близости Шефера и Олсона позволяет исследователям и клиническим специалистам количественно определять, оценивать и сравнивать проявления близости по пяти измерениям: эмоциональному, социальному, сексуальному, интеллектуальному и досуговому. Эти измерения дают понимание аффективных характеристик близости, а также знаний, которыми делятся близкие люди. Однако, как отмечает автор статьи, приведенные выше теории не учитывают культурные и гендерные аспекты интимности (с. 2).

Социологические подходы к интимности фокусируются в основном на рассмотрении феномена интимности в социальных контекстах. Одна из актуальных тем связана с ролью интимных отношений в быстро изменяющемся мире, где степень близости рассматривается как свойство «холодной», или рациональной, современности или, напротив, как «теплое» противоядие рациональной современности (Е. Иллуз). В любом случае такое аффективное качество современности, как «холодность», становится центральным в социологических исследованиях для описания социальной жизни индивида, т.е. интимность противопоставляется «холодности».

К. Форсти отмечает, что в настоящее время под интимностью в социологии понимают любые отношения – приватные и коллективные. Она объясняет это как многозначностью самого слова, так и тем, что понятие интимности используется в социологии при описании семейных отношений, сексуальности, эмоциональных состояний человека, а также разнообразных технологий. И все же, несмотря на всю неоднозначность этого понятия, автор отмечает, что интимность воспринимается как показатель качества социальной жизни и как показатель социального прогресса (с. 2).

Автор исходит из представления о том, что интимность определяется такими измерениями, как аффект, знание, совместная деятельность и нормы, ориентируясь на треугольник любви Роберта Стернберга¹, на вершинах которого находятся интимность, преданность (commitment) и страсть. О наличии интимно-

¹ Sternberg R. A triangular theory of love // Psychological rev. – 1986. – Vol. 93, N 2. – P. 119–135.

сти, по мнению К. Форсти, можно говорить только в том случае, когда в той или иной степени удастся выявить все четыре измерения. В противном случае приходится констатировать ее отсутствие.

Интимность, по-видимому, связана с эмоциями, особенно с эмоциональной близостью. В то же время не вызывает сомнений, что сексуальные связи всех видов включают в себя целый ряд эмоций. Автор статьи полагает, что для определения связи между эмоциями и интимностью можно воспользоваться теориями аффекта¹. Интимность в контексте аффекта определяется как особый тип или качество аффективных отношений, которые ощущаются как на когнитивном, так и на телесном уровнях. При этом автор специально подчеркивает, что воплощенный опыт близости не обязательно должен включать физическое сопresутствие и возможен в ситуациях компьютерно-опосредованного общения (с. 5).

Помимо аффективного переживания эмоциональной связи интимность невозможна без обмена знаниями. Под «знанием» автор понимает как знание самого себя, так и знание сексуального партнера, «социальное» знание (общее знание, которым обладают не знакомые между собой люди), знание о взаимоотношениях между детьми и между поколениями в обществе и пр. Автор отмечает, что в основном междисциплинарные исследования интимности сосредоточены в настоящее время на микроуровне социальных отношений, таких как романтические партнерские отношения, отношения детей со сверстниками и членами семьи, знания, которыми делятся группы на мезоуровне (с. 6).

Знания, разделяемые людьми, вступающими в близкие отношения, передаются непрерывно, в обе стороны, что позволяет говорить о «межличностном взаимопроникновении»². К. Форсти отмечает, что для того, чтобы отношения квалифицировались как интимные, необходима определенная глубина знаний (с. 6). Ин-

¹ См., напр.: The affective turn: theorizing the social / ed. by P.T. Clough, J. Halley. – Durham (NC): Duke univ. press, 2007; The affect theory reader / ed. by M. Gregg, G.J. Seigworth. – Durham (NC): Duke univ. press, 2010; Gould D.B. Moving politics: Emotion and ACT UP's fight against AIDS. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 2009.

² Luhmann N. Love as passion: the codification of intimacy. – Cambridge (MA): Harvard univ. press, 1998. – P. 13.

тимное знание можно трактовать как публичное или личное. Например, даже если у кого-то есть только ограниченные знания о его соседе и его повседневной жизни, то вместе эти люди могут состоять в отношениях «национальной интимности» уже в силу того, что они оба являются гражданами США.

При этом знание о партнере не должно быть полным, поскольку тогда оно рискует стать слишком публичным или слишком личным, что может привести к потере интереса к другому человеку и, например, прекращению романтических отношений.

Совместная деятельность – третья составляющая интимности в отношениях. Теоретически она может как способствовать установлению близости, так и препятствовать ей (с. 6). Благодаря ей, утверждает К. Форсти, раскрываются аффективная интимность и интимное знание, и в основном интимность способствует социальной сплоченности. Так, согласно американскому социологу Б. Андерсону, интимность между гражданами на уровне нации, так называемое национальное «воображаемое сообщество», побуждает к действию через патриотизм¹. Национальная интимность становится видимой через инклюзивные ритуалы, такие как клятва верности, и подвергается сомнению через акции протеста. Совместную деятельность можно также рассматривать на диадическом уровне (между двумя людьми – например, супругами, матерью и ребенком и пр.), внутри небольшой группы (например, внутри одной семьи или между людьми, отдыхающими на пляже, и пр.). При этом, по мнению автора статьи, сохраняются два вопроса о совместных действиях. Во-первых, понятие «совместная деятельность», на первый взгляд, кажется неприменимым к отношениям людей с не-людьми. Можно предположить, что люди и объекты или животные вступают во взаимодействие неким иным образом. Однако данное предположение уже давно оспаривается исследователями в области науки и технологий², полагающими, что отношения людей с такими объектами, как компьютеры и сотовые телефоны, тоже следует рассматривать в контексте интимности. Во-вторых, не стоит преувеличивать роль совместной деятельности,

¹ Anderson B. *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. – L.: Verso, 2006. – P. 143.

² См., напр.: Haraway D. *Simians, cyborgs and women: the reinvention of nature*. – N.Y.: Routledge, 1991.

поскольку интимность в действии не всегда справедлива (оправданна), консенсуальна или неизбежно приводит к положительному (желаемому) социальному результату. Так, определенные виды интимности могут привести к индивидуально и социально опасным последствиям, таким, например, как насилие, которое одновременно может рассматриваться как частный случай совместной деятельности и как особый тип интимности (там же).

Концепция интимности содержит также набор норм, внутри которого находятся отношения, т.е. некоторые виды интимности рассматриваются членами общества как более приемлемые, чем другие, поскольку феномен интимности погружен в культуру. Нормы интимности прививаются в таких социальных институтах, как школа, семья и пр., закрепляются в религиозных учениях и на правительственном уровне (с. 7). Дебаты о том, какие типы интимности рассматриваются как нормативные, остаются центральными в социологической теории институциональных изменений. В целом нормы интимности потенциально могут меняться. Таким образом, определенные виды интимных отношений становятся легитимными, публично видимыми, получают больше ресурсов и признания по сравнению с другими, маргинальными видами интимности. Так, насилие в обществе воспринимается как неоспоримо негативный социальный результат и именно поэтому рассматривается как социальная проблема (там же).

Однако, как отмечает автор статьи, при описании интимности необходимо также руководствоваться следующими тремя вопросами: «что», «где» и «как» – т.е. какие социальные группы рассматриваются; какие типы интимности допускаются внутри этих групп, а какие запрещаются; как достигается интимность.

Так, К. Форсти убеждена, что диадические отношения характеризуются наложением четырех элементов интимности – аффекта, знания, совместной деятельности и норм – и являются особым стилем «сильной» интимности. В триаде четыре измерения интимности связаны в меньшей степени, но она по-прежнему может быть охарактеризована как сильная. В группе интимность сохраняется, но ее степень уменьшается. То есть степень интимности оказывается обратно пропорциональной размеру группы, однако на степень интимности могут также влиять такие факторы, как пространство, время, культурный и географический контексты.

Кроме того, автор предлагает различать приватную и публичную интимность в разных культурных контекстах. Технологии интимности позволяют преодолеть разрыв между публичным и частным, географическим пространством и временем. Под «технологиями» автор понимает книги, мобильные телефоны, электронную почту, лайки в Facebook, твиты, сообщения, фотографии и картинки, чаты и комментарии (с. 9).

Эти три измерения – «что», «где» и «как» – дают возможность определить диапазон интимности. При этом автор предлагает различать «временную интимность» (возникающую, например, между пассажирами, занимающими соседние места в самолете) и «продолжающуюся интимность» (наблюдаемую между двумя давними романтическими партнерами, родителями и детьми, друзьями) (с. 8–9).

В заключение автор подчеркивает, что интимность представляет собой не достигнутое состояние, а, скорее, активный, институционально опосредованный процесс, имеющий большое значение для социальной жизни в целом, поэтому изучение интимности следует вести «изнутри» (т.е. изучать, как сами участники воспринимают свои отношения) и «извне» (т.е. изучать, как практики интимности закрепляются институционально в данном обществе, например через школы и государственные институты) (с. 10).

К. Форсти также отмечает, что большинство исследователей, изучая проблемы интимности, ограничиваются случаями романтических отношений, однако интересно было бы рассмотреть проблемы интимности на примере дружеских отношений.

А.А. Раренко

2020.04.006. ВАЛТОНЕН А., НЯРВЯНЕН Э. ПОВСЕДНЕВНАЯ ИНТИМНОСТЬ СНА: ТЕЛЕСНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ АНАЛИЗ ИНТИМНЫХ ПРАКТИК.

VALTONEN A., NÄRVÄNEN E. The everyday intimacy of sleeping: an embodied analysis of intimate practices // Consumption markets a. culture. – 2016. – Vol. 19, N 4. – P. 370–386.

Ключевые слова: сон; тело; интимность; потребление; повседневность.